

Думаю, что этот второй путь глубже всего отвечает бунинскому дару, как о том свидетельствуют цитаты, которые я привел; недаром он-то и торжествует в «Жизни Арсеньева». Однако и композиционным и драматическим единством не романа — Бунин не романист, — но рассказа сумел в редкостной мере овладеть автор «Господина из Сан-Франциско» и «Дела корнета Елагина».

Тем, кто знает позднейшие вещи Бунина, произведения, собранные во втором и третьем томах Сочинений, могут и должны казаться подготовительными, несовершенными. Но наступает минута, когда сравнения забываешь, когда читаешь «Суходол» или чудесный рассказ о Захаре Воробьеве, уже не думая ни о чем другом. Разве поэзия «Суходола» не подлинная и не чисто бунинская поэзия? Разве в «Деревне» и во всех рассказах о мужиках не сквозит глубочайшее и чисто бунинское ощущение России? Как плохо все это было понято в свое время, какие плоские споры вызвало! Какие чучела из газетной бумаги обсуждали правдивость того, что было выстраданным знанием и пророческой тревогой! И как ухитрились проглядеть бунинское искусство в том самом литературном лагере, где только и была художественная культура, достаточная для его оценки. Все это прошлое. Если сейчас что-нибудь способно ограничить наше восхищение «Деревней» или «Суходолом», то это лишь «Казимир Станиславович», «Петлистые уши», «Ида», «Митина любовь» и не сравнимая ни с чем «Жизнь Арсеньева».

М. АЛДАНОВ

И. А. Бунин. Собрание сочинений. Томы IX и X¹⁹

Десятый том зарубежного Собрания сочинений И. А. Бунина почти целиком занят «Окаянными днями». В девятом же томе, в числе других произведений, напечатаны «Записи неизвестного», «Серп и Молот», близкие к «Окаянным дням» по характеру. Здесь рассказ ведется не от имени автора, но это тоже отдельные, как будто случайные, во всяком случае отрывочные заметки о том, что происходило в России в пору, следовавшую за Октябрьской революцией.

«Записи неизвестного» — мне не совсем ясен смысл этого литературного приема: какому «неизвестному» припи-

шет читатель мысли, чувства, форму выражения нашего знаменитого писателя? Но некоторая разница в тоне есть между «Серпом и Молотом» и «Окаянными днями». Между этими книгами прошло десять лет (под «Серпом и Молотом» значится 1930 год). Более поздняя книга много мягче, добрее первой, — следовало бы сказать «примиреннее», если б слово это не было так истаскано и если б здесь оно не могло бы, без всякого основания, получить политический смысл: едва ли нужно говорить, что за это десятилетие отношение Бунина к большевикам не изменилось ничуть: несколько изменился, естественно, он сам.

«Времена опять зашли темные, жестокие, и, думаю, надолго, — говорит «неизвестный». — „Как волка ни корми, он все в лес смотрит“. Так и Россия: вся наша история — шаг вперед, два назад, к своему исконному — к дикому мужичеству, к разбитому корыту, к лыковому лаптю. Помните? „Было столь загажено в кремлевских палатах колодниками, что темнели на иконах ризы...“ Таковыми палатами и стала снова Россия, оправдывающая ныне слово Исаака Сирина: „Пес, лижущий пилу, пьет собственную кровь и из-за сладости крови своей не сознает вреда себе“... — Вижу иногда знаменитого народовольца: ужасная черная шляпа (ужаснее тех, что валялись прежде только на пустырях, на свалках), рубище солдатской шинели, грязные, мокрые опорки, связанные веревкой... Однако очень бодр, всегда не идет, а бежит, так и сверкает очками и младенческой, блаженно-изумленной улыбкой». Когда автор записей пытается найти убежище в принадлежавшей ему прежде усадьбе, поселившиеся там после революции бабы решительно отказываются освободить для него место, — «и я тотчас же понял, что и впрямь как-то нагло и глупо влез я в этот дом, в эту чужую, уже крепко внедрившуюся в него жизнь»... Думаю, что пятнадцать лет тому назад, в пору «Окаянных дней», И. А. Бунин не так бы или не совсем так бы вспомнил древнюю историю (хоть и в прежних его книгах были намеки на ту же мысль: «Шаг вперед, два назад, к своему исконному»), не так благодушно описал бы «знаменитого народовольца» и без такого спокойствия принял бы чужую жизнь, крепко внедрившуюся в не ей принадлежавший дом. Кое-что в этом внедрении объясняется и в самом деле «исконным», — достаточно грешным не в од-